

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА

Т. В. Воронцова

Категория «гендер», несмотря на широкое использование, остается весьма дискуссионной, поэтому будет уместным начать с определения, помещенного в оксфордском справочнике по философии: «Гендер – термин, введенный с целью выделения социального аспекта различия полов. Когда говорят о различии между существами женского и мужского пола как о различии «пола», то имеется в виду их биологическое различие. Когда говорят о «гендере», то исходят из определенных социокультурных дефиниций понятия женщины и мужчины и предполагают изначально установленное различие их социального положения» [1].

Именно этнографы были первыми, кто, изучая жизнь разных народов, обнаружил значительные различия в понимании социальных ролей, позиций, прав и обязанностей мужчин и женщин. Они показали, что эти различия варьируются в разных странах, у разных этносов и определяются множеством факторов, как социальных, так и внесоциальных (например, географических, климатических, биологических). Но не этнографы, а социологи и философы первыми предложили решительно «развести» понятие биологического пола, называемого в английской науке привычным термином *sex*, от пола социального, для которого был избран термин *gender*, дословно переводимый на русский язык тем же словом «пол».

«Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения задаются не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводство гендерного сознания на уровне индивидуума поддерживает сложившуюся систему социальных отношений во всех сферах» [2].

Задача исследователя: выяснить, каким образом создается «мужское» и «женское» во взаимодействии, в каких сферах и каким образом оно поддерживается и воспроизводится.

Теория поло-ролевой (гендерной) социализации доминировала в мировой социологии вплоть до конца 1970-х гг., она выражена парадигматически в работах Т. Парсонса, Р. Бейлса, Мирры Комаровски. Суть этого подхода в том, что половые роли (гендерные) усваиваются

в процессе социализации. Постепенно агенты социализации формируют личность, которая воспринимает и делает «своими» культурные нормы и ценности, в том числе и в отношении того, что называется феминным, «женским», и маскулинным, «мужским». К числу агентов (институтов) социализации относят обычно семью, школу, группы сверстников, «значимых других» (соседей, друзей и т.п.), СМИ и пр. В центре теории социализации – процесс научения и принятия культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум. Научение в этом случае выступает как процесс подражательного свойства и предполагает усвоение и воспроизведение существующего. Но недостатком этой теории является представление о личности как относительно пассивной сущности, которая воспринимает, усваивает культурную данность, но не создает ее сама.

В акценте на пассивность научаемого индивида заключается первое отличие традиционной теории гендерной социализации от теории конструирования гендера. Идея конструирования, напротив, подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта. Субъект создает гендерные правила и гендерные отношения, а не только усваивает и воспроизводит их. Он может и воспроизвести их, но, с другой стороны, он в состоянии их и разрушить. Сама идея создания подразумевает возможность изменения социальной культуры.

Таким образом, социальные конструктивисты приходят к своему определению гендера. В их понимании гендер – это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка.

С точки зрения конструктивистов гендер нельзя мыслить как социальную роль. Любая роль определяется ситуацией и, в конце концов, сводима к набору операций. В одной ситуации вы – врач, в другой – супруг(а), в третьей – спортсмен(ка). При этом гендерная вариация присутствует в исполнении каждой из ролей. Гендер в этом случае оказывается такой «суперролью» или «квазиролью», которая пронизывает все остальные роли. Она является базовой, и на нее нанизываются все другие.

Следовательно, главной исследовательской задачей теории социального конструирования является выявление ресурсов создания гендера. Если рассматривать гендер как постоянно создаваемое взаимодействие, то необходимо рассмотреть те средства, которые могут быть использованы обществом для того, чтобы создать «мужское» и «женское» как неравное. Необходимо исследовать весь набор практик

взаимоотношений между людьми с точки зрения ресурсов, которые ими используются (сознательно и бессознательно) для получения преимуществ и определения своего места в обществе.

Елена Здравомыслова и Анна Темкина в своей статье «Социальное конструирование гендера как феминистская теория» утверждают, что гендерное измерение мы можем рассмотреть в политической сфере. Здесь важны не только цифры, иллюстрирующие соотношение мужчин и женщин в электоральном поведении, но и диспозиции в политической элите, ходы политических карьер. СМИ также воспроизводят и усиливают образы гендерного мира. СМИ используют всю мощь символического капитала в воспроизводстве гендера: образы супермужчины и суперженщины, куклы Барби и Шварценеггеры и т.д. Гендер утверждается и в языке. Феминистские культурологи, пытающиеся реформировать «гендерно пораженный» язык, прослеживают, каким образом он создает и воспроизводит дискриминационный дискурс. Приватная сфера предоставляет еще одну сферу создания гендерного порядка. Семья, межличностные отношения, сексуальность, отношения заботы – все это источники подавления женщины, которое связано с вытеснением женщины в домашний мир. А отсюда соотношение приватной и публичной сферы в социуме далеко не в пользу женщины [3].

Поло-ролевая социализация, социальные различия полов рассматриваются как «справедливые» и предполагающие взаимодополняемость уже в детстве. О социальном же неравенстве как-то забывается. Недаром И. Гоффман, перефразируя К. Маркса, писал, что не религия, а гендер является опиумом для народа: «...утомленный мужчина современного капитализма всегда и везде найдет женщину, выполняющую функцию заботы и обеспечивающую уход, – женщину, которая является “обслуживающим персоналом” по призванию» [4].

Перед конструктивистами встала новая задача деконструкции гендерных отношений. Деконструкция представляет собой интеллектуальную процедуру, проясняющую основания существующего (в данном случае – гендера). Деконструкция отвечает на вопрос, как возможны гендерные отношения в данном обществе, каким образом они создаются, принимая вид естественных и имманентно присущих индивиду, группе, социуму. Если признать, что гендер сконструирован как общественные отношения властного взаимодействия, то можно поставить вопрос и о том, что их можно перестроить: ведь то, что встроено в социальный порядок, может быть не только проанализировано, но также подвержено сомнению и перестроено.

Американская исследовательница Джудит Лорбер утверждает, что необходимо построение нового социального порядка, потому что социальный порядок, существующий в настоящее время, пронизан гендерными отношениями и базируется на них. Социальный порядок будущего должен быть основан на принципе гендерного равенства и потому предстает в воображении конструктивистов как до некоторой степени безгендерный. Это не означает, что будущий (утопический) социальный мир не будет знать различий между мужчинами и женщинами. Это значит, что различия, в том числе и между полами, перестанут реализовываться как иерархические, предполагающие не только разный статус, но и разные возможности.

Литература

1. *Gennifer H.* The Oxford Companion to Philosophy. Oxford, 1995.
2. Современная мировая историческая наука: Информационно-аналитический обзор (по материалам 18-го Международного конгресса историков, Монреаль, 1995). Мн., 1996.
3. *Синельников А.* В ожидании референта: маскулинность, феминность и политики гендерных репрезентаций // Женщина, культура, гендер. М., 1999.
4. *Бовуар С.-де.* Второй пол. Т.1 и 2. М.; СПб., 1997.

ЦЕЛА – НАЧЫННЕ БОСКАГА (ПУНКТЫ ГЛЕДЖАННЯ ТАНТРЫЗМУ І ХРЫСЦІЯНСТВА)

Н. В. Гаўрыленка

Прынцып любой рэлігіі – у падкрэсленні адносін цэлага да нечага «больш значнага». Цела – брудны недасканалы інструмент, што падлягае гвалтоўнаму абмежаванню, ці цела – праява Боскай свядомасці, сама свядомасць, раўнапраўная частка сусвету, якая мае законнае права выбару. Але фактычна, калі хрысціяне кажуць пра свабоду выбару, то маюць на ўвазе наяўнасць такой свабоды менавіта ў цела (а не ў душы ці духу).

Такім чынам, бачна, што, калі зірнуць глыбей, хрысціянства і тантрызм не да канца супярэчаць адно аднаму. У хрысціяніна і тантрыка як цялесных істот ёсць адзін і той жа выбар: падтрымліваць далей сваю адасобленасць і такім чынам працягваць гульню ў пакуты і радасці вярнуцца да адзінства, цэласнасці. Калі целу надакучвае гульня, вырашае, што прыйшоў час уз'яднання, яно выбірае шлях веры, даверу, адкрытасці. Сутнасць гэтага шляху аднолькавая для тантрызму і хрысціянства: цела аддае сябе, робячыся начыннем Боскага.

Тантра лічыць жаданне першаснай рухаючай сілай сусвету. Яна не заклікае адмовіцца ад жаданняў, бо гэта значыць ісці супраць усеагуль-